

Сцена из балета «Каменный цветок».

есть существовать для нее, она вся устремлена к Купаве, которая рывает изумленной Снегурочке глубины человеческого страдания и любви. И когда Купава, обессиленная, падает, Снегурочка — Малий тилько, с опаской подходит, заглядывает в лицо, покачивая головой: так как живут люди, вот что такое их любовь...

Это первое душевное потрясение Снегурочки. Свежо и по-новому решается сцену заклинаний Купавы, театр проливает свет на ход дальнейших событий. Становится ясно, почему именно Мизгирию, такому же страстно и горячему, как Купава (родство их темперамента подчеркнуто общим мимическим рисунком двух их тем, хроматизмами, создающими впечатление страстности, полноты души), удастся пробудить в сердце Снегурочки тоску и жажду любви.

К сожалению, вторая картина третьего действия — поворотная в судьбе Снегурочки встреча с Мизгирем в лесу — не прозвучала в полную силу из-за А. Артемова, исполняющего партию Мизгирия скованно, холодно, тускло. Досаден этот пробел, потому что все остальное в сцене звучит великолепно: темпераментно и лирично ведет партию оркестра молодой дирижер К. Тихонов, хорошо сделаны лесные «чудеса». А сама Снегурочка у Малий — уже не ледяная куколочка, в ее пении прорываются подлинное человеческое горе, метания.

Чудесно играет актриса пробуждение Снегурочки к жизни: она как будто освободилась от ледяной корочки, покрывавшей ее, просияла внутри, голос сделался теплей и полнозвучней, в нем появилось больше лирических оттенков, и движения стали женственней, порывистей. Она как собирает в себя красоту весеннего расцвета и, готовая беззаветно отдать все любимому, мчится в объятия Мизгирия.

Характерно, что Римский-Корсаков пишет таяние Снегурочки в страдальческом, томном миноре, в отличие от холодно-серебристого мажора первого действия, и кончает его прозрачным высоким звуком, в котором как бы выливается вся любящая душа Снегурочки. Малий поет таяние так, что